

ДОН НИГРО

НАВУХОДОНОСОР

Дон Нигро
Навуходоносор

«Автор»

2008

Нигро Д.

Навуходоносор / Д. Нигро — «Автор», 2008

Дон Нигро «Навуходоносор/ Nebuchadnezzar». 3 актера (2 женские и 1 мужская роль). Философская притча о правде и лжи, вине и невинности. В дом старика и его внучки приходит молодая женщина, обвиняя старика в том, что во время войны он вместе с Менгеле проводил изуверские эксперименты на людях. Женщина совершенно уверена, в своих обвинениях, но выясняется, что она – дочь старика, и старик, казалось бы, убеждает женщину, чтобы был жертвой, как и ее мать. И когда все казалось бы разрешилось, старик вдруг заявляет, что нацистский доктор – это он, а мать женщины была его сообщницей. Потом отказывается от своих слов, так что зрителю приходится решать самому, где правда, а где – ложь. Отличная бенефисная роль для возрастного (70 лет) актера.

© Нигро Д., 2008

© Автор, 2008

Содержание

Действующие лица	5
Место действия	6
Действие первое	7
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Дон Нигро

Навуходоносор

Действующие лица

ГОТТ, 70 лет

ЕВА, 24 года

ЛАЙЛА, 28 лет

Место действия

Маленький книжный магазин в Вермонте в 1989 г. Слева, ближе к авансцене, письменный стол. Справа – деревянные полки с книгами, по сцене расставлены несколько деревянных стульев, одно кресло-качалка.

Действие первое

(Когда зажигается свет, ГОТТ, сидит за столом. Симпатичный, полный сил, энергичный мужчина семидесяти лет. ЕВА, ей двадцать четыре года, хрупкая и застенчивая блондинка, подходит к столу, чтобы поговорить с ГОТТОМ. В другой части сцены, в глубине и справа, ЛАЙЛА, темноволосая женщина двадцати восьми лет, оглядывает полки с книгами).

ЕВА. Дедушка?

ГОТТ *(занятый работой)*. Да?

ЕВА. Ты знаешь, кто эта женщина?

ГОТТ. Нет. Кто она?

ЕВА. Не знаю. Она в магазине всю неделю. Приходит каждый день.

ГОТТ. И что?

ЕВА. Тебе не кажется это странным?

ГОТТ. В мире полно одиноких людей, которые проводят большую часть жизни в книжных магазинах. Не будь их, мы бы давно разорились.

ЕВА. Это не про нее. Не такая она.

ГОТТ. Почему?

ЕВА. Во-первых, она красавица.

ГОТТ. По-твоему, книжные магазины – для уродов?

ЕВА. Я думаю, у красивых женщин находятся и другие дела.

ГОТТ. Это свободная страна. Она может проводить время, как ей того хочется.

ЕВА. По-моему, она ничего не покупает.

ГОТТ. На днях я продал ей сборник рассказов. Исаака Зингера, если не ошибаюсь.

ЕВА. И она постоянно смотрит на тебя.

ГОТТ. Может, я ей понравился. Некоторые женщины предпочитают мужчин в возрасте. Надеюсь, дело в этом.

ЕВА. Это не смешно. От нее у меня мурашки по коже бегут.

ГОТТ. Я не стараюсь рассмешить. Она – очаровательная женщина и украшает магазин. Несколько молодых мужчин, которых я никогда не видел раньше, заходили на этой неделе и пытались завязать с ней разговор.

ЕВА. Возможно, но умеют ли они читать?

ГОТТ. Почему тебя это так волнует?

ЕВА. Может, она проститутка?

ГОТТ. Проститутка в вермонтском книжном магазине?

ЕВА. Высшего класса. Интеллектуальная проститутка.

ГОТТ. Я таких знавал, но живут они в Нью-Йорке, и не думаю, что у нас тот самый случай. Так или иначе, через несколько минут мы закрываемся, и до понедельника она точно не будет нас раздражать.

ЕВА. Но я хочу знать, что она здесь делает.

ГОТТ. Так подойди и спроси.

ЕВА. Не могу я подойти и спросить.

ГОТТ. Ты хочешь, чтобы это сделал я?

ЕВА. Ты не подойдешь.

ГОТТ. Тогда придется смириться с незнанием.

ЕВА. Тебя это совершенно не волнует?

ГОТТ. Незнание – не всегда минус. Оставь людей в покое, и тебе гарантирована более счастливая жизнь. Мне надо закончить оценку книг, которые ты привезла из Олбани. Думаю, Генри Джеймс уйдет с неплохой прибылью. Ты закроешь магазин, хорошо?

ЕВА. Не оставляй меня наедине с ней.

ГОТТ. Ева, она тебя не съест. Обычная покупательница. Если вдруг достанет мясницкий тесак, пистолет в верхнем ящике.

(ГОТТ целует ЕВУ и уходит в подсобку. ЛАЙЛА подходит ближе, продолжая разглядывать книги на полках).

ЕВА. Извините, мы закрываемся.

ЛАЙЛА. Хорошо.

ЕВА. Хотите это купить?

ЛАЙЛА. Еще не решила, но... Пожалуй, что да. *(Протягивает книгу).*

ЕВА. «Кантос» Паунда. Вы из тех странных людей, кому действительно нравится Паунд?

ЛАЙЛА. Что-то у него ужасное, что-то прекрасное, что-то непостижимое, что-то, возможно, непостижимое для меня, потому что написано на языках, которыми я не владею, что-то – проявление безумия, но я не всегда могу определить, где что. Все так перемешано.

ЕВА. Это одна из причин, по которым я не люблю Паунда.

ЛАЙЛА. Вы хотите, чтобы все было простым и понятным, да?

ЕВА. Я нахожу ненависть, которая вдруг вырастает, как поганка, внезапное презрение к людям, определенным людям, очень тревожным и отвратительным. Я не понимаю, как из ненависти может родиться великая литература.

ЛАЙЛА. Даже великие писатели ненавидели кого-то или что-то. Вы ни к кому не испытывали ненависти?

ЕВА. Нет.

ЛАЙЛА. Никогда? Даже на мгновение?

ЕВА. Нет. Так меня воспитали.

ЛАЙЛА. То ли вы удивительно миролюбивый человек, то ли лжете, то ли не обращаете внимания.

ЕВА. На что?

ЛАЙЛА. На созданный Богом мир. Мне нравится этот книжный магазин. Я рада, что нашла его.

ЕВА. Я заметила, что вы провели здесь много времени. Недавно переехали в этот район?

ЛАЙЛА. Нет. Я тут временно.

ЕВА. Приехали к кому-то в гости?

ЛАЙЛА. Нет, подбираю материалы.

ЕВА. Для книги.

ЛАЙЛА. Скорее, речь об истории семьи.

ЕВА. Генеалогия.

ЛАЙЛА. Не совсем.

ЕВА. С вас двадцать долларов.

ЛАЙЛА. Слова стоят дорого, так?

ЕВА. Некоторые – да.

ЛАЙЛА. Магазин принадлежит этому пожилому господину?

ЕВА. Да. Он – мой дедушка. Я – Ева.

ЛАЙЛА. Я знаю.

ЕВА. Вы провели здесь так много времени, что, наверное, знаете о нас все.

ЛАЙЛА. Прекрасное место. Книги – как люди. Давние друзья. Разумеется, с другой стороны, это кладбище. Книги – надгробные камни. И человек приходит сюда поговорить с мертвыми. А еще это идеальное место, чтобы спрятаться.

ЕВА. Вы пришли сюда, чтобы спрятаться?

ЛАЙЛА. Нет. А вы?

ЕВА. С чего мне прятаться?

ЛАЙЛА. Прячутся по-разному. Кто-то просто так выглядят. Другие прячутся, потому что боятся окружающего мира. Третьи – потому что что-то сделали. Вы всегда жили здесь со своим дедом?

ЕВА. Большую часть жизни.

ЛАЙЛА. Ваши родители умерли?

ЕВА. Да.

ЛАЙЛА. Мои тоже. Собственно, все. Я в своей семье единственная.

(ЕВА смотрит на ЛАЙЛУ, ей как-то не по себе).

ЕВА. Двадцать долларов.

ЛАЙЛА. Я передумала. Все-таки не хочу покупать эту книгу.

ЕВА. Ладно. Что-нибудь еще?

ЛАЙЛА. Возможно.

ЕВА. Не хочется вас торопить, но мне надо закрывать магазин.

ЛАЙЛА. Я могу поговорить с вашим дедом?

ЕВА. Зачем?

ЛАЙЛА. Просто хочу с ним поговорить.

ЕВА. Если у вас какой-то вопрос по магазину, я наверняка отвечу вам на него.

ЛАЙЛА. Нет, мне нужно поговорить с ним.

ЕВА. Чего вы хотите от моего дедушки?

ЛАЙЛА. Вопрос личный.

ЕВА. Но вы его не знаете.

ЛАЙЛА. Я его знаю лучше вас.

ЕВА. Откуда вы можете его знать? Он вас не знает.

ЛАЙЛА. Узнает.

ЕВА. Этот разговор очень уж странный для меня. Я не в курсе ваших проблем, мне надо закрывать магазин, так чего бы вам не уйти?

ЛАЙЛА. Это семейное дело.

ЕВА. Вы сказали, что семьи у вас нет.

ЛАЙЛА. Об этом и речь.

ЕВА. Надеюсь, ограбления вы не планируете?

ЛАЙЛА. В каком-то смысле.

ЕВА. Вы шутите?

ЛАЙЛА. Нет.

ЕВА. У меня в столе пистолет.

ЛАЙЛА. А у меня в сумке.

(Они смотрят друг на дружку. Ни одна не пытается достать оружие).

ЕВА. Денег здесь совсем мало.

ЛАЙЛА. Мне не нужны ваши деньги.

ЕВА. Вы упомянули ограбление.

ЛАЙЛА. Я сказала, в каком-то смысле. Но я не преступница. Я – одна из жертв.

ЕВА. Не понимаю, о чем вы говорите.

ЛАЙЛА. Ваш дед когда-нибудь рассказывал вам о войне?

ЕВА. О войне? Какой войне?

ЛАЙЛА. Мне интересно, какой он вас потчевал ложью. Я и представить себе не могу, что он говорил вам правду.

ЕВА. Правду о чем?

ГОТТ (*возвращаясь*). Так прекрасная и таинственная молодая женщина все еще здесь? И покупает книгу Эзры Паунда. В чем-то очень интересная личность, но, боюсь, его творчество мне не по вкусу.

ЕВА. Она не хочет покупать эту книгу.

ГОТТ. Ей просто нравится смотреть на корешки? Будьте осторожны, молодая женщина. Это опасная привычка. Книжные магазины могут зачаровать вас на всю жизнь. Это смертельно опасно.

ЛАЙЛА. Мы с Евой просто говорили о том, что это прекрасное место для того, кто хочет спрятаться.

ГОТТ. Да. Лучшее. Абсолютно лучшее. Очень уютное и создает убедительную иллюзию безопасности.

ЕВА. Она спрашивала меня о войне.

ГОТТ. Какой войне? Войны.

ЛАЙЛА. В Германии, во время войны, вы знали моих родственников.

ГОТТ. Практически все, кого я тогда знал, умерли.

ЛАЙЛА. Да, мне это известно.

(*Пауза. ЛАЙЛА и ГОТТ смотрят друг на друга*).

ГОТТ. И вас зовут...

ЛАЙЛА. Лайла.

ГОТТ. Так что именно вы хотите знать о войне, Лайла?

ЛАЙЛА. Во время войны мои родственники были часовщиками в Германии.

ГОТТ. Правда? Насколько мне известно, и в моей семье были часовщики. И часы всегда меня завораживали. До войны у моего отца был книжный магазин в Берлине. Там всегда тикали часы.

ЛАЙЛА. Но вы, разумеется, стали врачом.

ГОТТ. Врачом? Я никогда не был врачом.

ЛАЙЛА. Вы помните. В Освенциме.

(*Пауза*).

ЕВА. Это не так тема, на которую мой дедушка любит говорить.

ЛАЙЛА. Я уверена, что не любит.

ЕВА. В любом случае, это не ваше дело.

ГОТТ. Ничего, все нормально.

ЕВА. Он попал в Освенцим в конце войны. Помогал евреям бежать из страны, и за это нацисты отправили его в лагерь. Он был героем.

ЛАЙЛА. Это он вам говорил?

ГОТТ. Я не сделал ничего героического.

ЛАЙЛА. И каким образом этому герою удалось живым выбраться из Освенцима?

ЕВА. Его чуть не убили перед самым освобождением лагеря. И почему он не мог просто выйти оттуда? Вы не имеете никакого права приходить сюда и расстраивать его такими вопросами.

ГОТТ. Я не расстроен.

ЛАЙЛА. Моя мать знала вашего деда в Освенциме. Ее звали Ханна Блюм. Вы ее помните?

ГОТТ. Человек пытается забыть как можно больше.

ЛАЙЛА. Тогда она была девушкой. Вся ее семья погибла в газовых камерах.

ГОТТ. Вашей матери очень повезло.

ЛАЙЛА. Тогда она не чувствовала, что ей повезло. Ее отобрал некий доктор для своего проекта. Этот доктор проводил эксперименты на человеческих существах.

ГОТТ. Чего там только не творилось. И человек должен попытаться если не простить, то забыть все то, что делали с его жизнью.

ЛАЙЛА. Что-то прощать нельзя. У человека нет права прощать вред, нанесенный другому человеку. Нет права забывать, что с ним делали.

ГОТТ. У человека также нет права пытаться отомстить за другого.

ЛАЙЛА. Но когда человек не может сам воздать другому по справедливости, кто-то еще должен взять на себя ответственность это сделать. Или вы не согласны?

ЕВА. Я думаю, нам лучше вызвать полицию.

ГОТТ. Зачем нам это нужно?

ЕВА. Эта женщина, несомненно, психически больна.

ГОТТ. Нет, она нормальная. Просто в голове у нее что-то перепуталось.

ЕВА. У нее пистолет.

ГОТТ. Может, ей разрешено носить с собой пистолет. У нас тоже есть пистолет.

ЕВА. Не понимаю, почему ты защищаешь ее, когда она пришла сюда и рассказывает про тебя такие ужасы.

ЛАЙЛА. Он не защищает меня. Он просто не хочет впутывать полицию.

ГОТТ. Но как вы пришли к такому странному выводу, что я был врачом в Освенциме?

ЛАЙЛА. Моя мать рассказала мне об этом.

ГОТТ. Она могла описывать человека, который делал с ней что-то ужасное, но не могла ничего сказать обо мне, потому что я был заключенным, а не врачом.

ЛАЙЛА. Побывала в Германии. Говорила с сотнями людей. Проверяла иммиграционные списки. На это ушло пять лет моей жизни, но теперь я вас нашла.

ГОТТ. Вы нашли не того.

ЛАЙЛА. Мы оба знаем, что это ложь.

ГОТТ. Если ваша мать – мой обвинитель, почему ее здесь нет?

ЛАЙЛА. Моя мать умерла пять лет тому назад. Я обещала ей, что найду вас, и нашла.

ГОТТ. Если вашей матери так этого хотелось, почему она не сделала это сама?

ЛАЙЛА. Она хотела просто об этом забыть.

ГОТТ. То есть не хотела, чтобы вы пошли по следу?

ЛАЙЛА. Да. Она считала, что я должна строить свою счастливую жизнь. Но она ошибалась.

ГОТТ. Она была права.

ЕВА. Почему ты вообще говоришь с этой женщиной?

ГОТТ. Она тревожно-мнительная личность. Мы должны отнестись к ней по-доброму. Возможно, она захочет показать мне фотографию своей матери, чтобы освежить мою память.

ЛАЙЛА (*сует руку в сумку*). Одна у меня в сумке.

ЕВА. У нее там пистолет.

ГОТТ. Не волнуйся.

ЛАЙЛА (*достает фотографию и протягивает ГОТТУ*). Вот моя мама.

ГОТТ (*смотрит на фотографию*). Какая красавица. И еще совсем девочка.

ЛАЙЛА. Фотографию сделали до Освенцима. На ней моей маме шестнадцать.

ГОТТ. Она очень похожа на вас.

ЛАЙЛА. Она говорила, что для своих экспериментов вы отбирали самых красивых. Получали удовольствие, наблюдая за страданиями красоты.

ГОТТ. Никогда в жизни я не получал удовольствие, наблюдая за страданием. Получать удовольствие от страданий любого живого существа – самый тяжкий из грехов.

ЛАЙЛА. Вы – религиозный человек, так?

ГОТТ. Я стараюсь быть добропорядочным христианином.

ЛАЙЛА. Что ж, это логично. Христиане убивали мой народ две тысячи лет.

ГОТТ. Я никого не убивал.

ЕВА. послушайте, вы точно ошиблись адресом. Мой дедушка не выносит чьих-то страданий. Он не охотится. Не ест мясо. И самый добрый человек из всех, кого я знаю.

ЛАЙЛА. Вам известно, что этот добрый человек делал с моей матерью в Освенциме?

ГОТТ. Вы ничего не знаете об Освенциме.

ЛАЙЛА. Я знаю все о вас и о том, что вы там делали. Мне рассказала моя мать.

ГОТТ. Она не могла рассказать вам, как это было. Есть такое, чего словами не передать. Язык – изумительное изобретение, но зачастую он бессилён. Самые глубинные истины этого мира словами не выразить. Они слишком реальны, чтобы о них говорить. Рано или поздно все слова становятся ложью. Правда – в молчании.

ЛАЙЛА. Поэтому вы продаете книги? Книги – слова, слова – ложь, вот вы и продаете ложь.

ГОТТ. Ценность книг – не в словах. Книги – не слова. Книги – молчание между слов. Я продаю переплет, и страницы, и краску, а краска – это слова, но слова – лишь дорожная карта. Они – не география. Вы произносите только слова и принимаете меня за кого-то еще.

ЛАЙЛА. Только тот, кто боится правды, говорит, что ее нельзя высказать. Вы не хотите озвученной правды, поскольку слова откроют, что вы – мясник.

ГОТТ. послушайте меня, дитя. Я не отрицаю, что человек, о котором рассказала вам ваша мать, существовал в Освенциме. Я просто объясняю, что тот человек – не я.

ЛАЙЛА. Я видела ваш старый паспорт. Ваша настоящая фамилия – Нахт, и вы работали с Менгеле в Освенциме.

ГОТТ. Не произносите имя этого монстра в моем присутствии.

ЛАЙЛА. Но имя – всего лишь слово, доктор. Почему от него вам так не по себе?

ГОТТ. Вы – очень глупая девушка и ничего об этом не знаете. Как вы посмели придти сюда, где я работаю и живу, с такими лживыми обвинениями? После того, что я выстрадал. После того, что я видел. Показать вас номер на моей руке?

ЛАЙЛА. Я все знаю о номере на вашей руке. Вам поставили его перед отъездом из Европы.

ГОТТ. Это нелепо. Я больше не желаю говорить с вами. Уходите. Магазин закрывается.

ЛАЙЛА. Если вы выбросите меня на улицу, я приду завтра утром, встану перед магазином и буду говорить всем прохожим, что вы – нацистский доктор из Освенцима.

ГОТТ. Вас арестуют за публичное оскорбление.

ЛАЙЛА. Отлично. Тогда все попадет в газеты и на телевидение.

ГОТТ. Чего вы от меня хотите? Зачем вы это делаете?

ЛАЙЛА. Выполняю обещание, которое дала матери.

ГОТТ. Ваша мать хотела, чтобы вы все забыли, и именно так вам следует поступить. Относительно меня у вас просто навязчивая идея. Не стоит тратить на нее лучшие годы. Незачем. Жизнь слишком дорога, чтобы тратить ее на ложь.

ЛАЙЛА. Это правда, о чем вы знаете лучше других.

ГОТТ. Как мне доказать, что вы ошибаетесь?

ЕВА. Ты ей ничего не докажешь. Она безумна. И опасна.

ГОТТ. Она не опасна. Просто несчастна и имеет на это право. Я знаю, что она чувствует, и понимаю ее. Только не знаю, как ей помочь.

ЕВА. Почему ты хочешь ей помочь? Она наговорила про тебя столько гадостей.

ГОТТ. Я – христианин, и эта женщина страдает. Мы должны сопереживать таким людям, пусть в своем несчастье они иногда пытаются причинить нам вред.

ЕВА. Возможно, эта женщина сбежала из психиатрической больницы.

ЛАЙЛА. Я не сбежала. Меня выписали.

ЕВА. Видишь? Она БЕЗУМНА!

ЛАЙЛА. Я не безумна, и мое психическое здоровье к делу не относится.

ГОТТ. Я думаю, в какой-то степени все-таки относится.

ЛАЙЛА. Я не безумна.

ЕВА. Тогда почему вас отправили в психушку?

ЛАЙЛА. Из-за него. Из-за этой кошмарной истории. Она не отпускала меня. Едва не убила. Но теперь я здорова, и ему не удастся выкрутиться только потому, что я побывала в психушке.

ГОТТ. В психушку просто так не отправляют, и едва ли кто-нибудь поверит вашему рассказу о том, что я – нацистский врач, узнав, откуда вы только что вышли.

ЛАЙЛА. Ели я и обезумела, то лишь благодаря вам.

ГОТТ. Я вас даже не знаю.

ЛАЙЛА. Вызнали мою мать.

ГОТТ. Да, знал.

ЕВА. Ты знал ее мать?

ГОТТ. Да. Я помню женщину с этой фотографии.

ЛАЙЛА. Видите? Он признает, что солгал.

ГОТТ. Я не лгал. Откуда я мог знать, о ком вы говорите? Прошло больше сорока лет. Ноя посмотрел на фотографию, потом на вас, такую печальную, и осознал, кто эта бедная девушка.

ЛАЙЛА. То есть, вы признаете, что вы – доктор Нахт?

ГОТТ. Нет, нет. Мы с вашей матерью были заключенными Освенцима. Я очень рад, что она выжила. Думал, что она там умерла.

ЛАЙЛА. Вы думали, что убили ее.

ГОТТ. Я никого не убивал. Вы принимаете меня за кого-то другого.

ЛАЙЛА. Если вы – кто-то другой, почему вы так расстроены?

ГОТТ. Потому что не хочу думать об этом. Там было слишком ужасно, чтобы себе это представить. Что бы ни говорила вам мать, там было хуже. Гораздо хуже. И я бы предпочел никогда об этом не думать. Тем более мне не хочется слышать эти глупые обвинения, будто я – один из монстров, которые все это проделывали. Как же мне не расстроиться?

ЕВА. Я сейчас же вызываю полицию.

ГОТТ. Нет.

ЛАЙЛА. А почему мы не хотим вызвать полицию?

ГОТТ. Я не хочу вызывать полицию.

ЛАЙЛА. И мы оба знаем, почему.

ГОТТ. Вы больны, Лайла. У вас ужасные бредовые идеи. Я помню вашу мать, и помню, что Нахт забрал ее, а потом я больше ее не видел. Я думал, она умерла. Те, кого он забирал, никогда не возвращались. И это все, что я о ней знаю, клянусь.

ЛАЙЛА. Вы лжете.

ГОТТ. Почему бы вам не назвать название психиатрической клиники, из которой вы сбежали? Мы им позвоним, и кто-нибудь приедет, чтобы вам помочь.

ЛАЙЛА. Мне не требуется помощь.

ГОТТ. Простите меня, но я думаю, что требуется. У вас искаженное чувство реальности.

ЛАЙЛА. Я знаю, что реально.

ГОТТ. Сомневаюсь. Вы живете в выдуманном мире ненависти и вины и, как многие психически больные люди, определяете других на роли в драме вашей болезни. Мне досталась роль злодея, но это не так, потому что я был жертвой, как ваша мать, а теперь вы преследуете меня вашей навязчивой ненавистью и жадой мщенья, и в своем фанатизме ничем не отличаетесь от нацистов.

ЛАЙЛА. Нет у меня ничего общего с нацистами.

ГОТТ. Убежденность может быть опасной формой безумия. Вы убеждены, что с вашей матерью в прошлом случилось что-то ужасное, и в это вы правы. Вы убеждены, что кто-то несет за это ответственность, и тоже правы. Вы убеждены, что несущему ответственность должно воздаться по заслугам, сколько бы ни прошло времени, и возможно, снова правы. Но теперь вы убеждены, что ответственность лежит на мне, и вот тут вы полностью ошибаетесь, но у вас и в мыслях нет, что вы можете в этом ошибиться, потому что были правы во всем остальном, приведшем вас к такому выводу. Вы видите себя человеком, который всегда прав, и в словах, и в делах.

ЛАЙЛА. Я никого не вижу. Я просто права.

ГОТТ. Вы только что вышли из дурдома, вас переполняет горе и злость за то, что случилось с вашей матерью, и вы вымещаете эту злость на мне.

ЛАЙЛА. Я нашла человека, ответственного за ее страдания, и хочу, чтобы его наказали.

ГОТТ. Вы нашли козла отпущения, которого хотите обвинить во всех ваших душевных проблемах, и, таким образом избежать ответственности. Посмотрите на меня. Я – обычный человек. У меня внучка, которая очень меня любит и теперь боится, что вы собираетесь сделать со мной что-то ужасное. Я продаю книги. Я жертвую деньги в местные благотворительные фонды. Я хочу в церковь. И у меня есть пистолет, как и у вас, только я не собираюсь использовать его. Мне вас жаль. Но вы не можете этого принять. Потому что ищите монстра, а монстров здесь нет. Есть только я, старик, который очень устал. Поэтому я иду спать.

ЕВА. Ты идешь спать?

ГОТТ. Именно. Она не причинит нам вреда. Она никому не причинит вреда. Она растеряна и печальна, но у нее есть на то основания.

ЕВА. Ты уверен, что мы не должны кому-нибудь позвонить?

ГОТТ. Нет необходимости. Когда ей потребуется помощь, она поможет себе сама.

ЕВА. Но что мне?..

ГОТТ. Все у вас будет хорошо, Лайла. Случившееся давным-давно перестало быть реальностью. Оно реально только для людей, с которыми это случилось, а большинство их умерло. Те, кто еще жив, стали другими. Вы же из настоящего. Красивая молодая женщина, за которую столько мужчин готовы умереть. Вы умная. Найдите свою жизнь. Спокойной ночи, Ева. После ее ухода запри дверь и погаси свет. *(Поворачивается и уходит в подсобку. ЕВА стоит, не зная, что ей делать)*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.